

VI OKRUZNĀJ SJEZD SĀVET DEĻEGATTEZLĀ KOMSOLOŪSKĀJ PRIVET!

Proletarijēz vād mī vāliš, atvūtčā!

ТОМ ВОЛСЕВИК

(МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК)

VLKSM Okruzkomlān da Kudymkarskāj VLKSM rajkomlān gazet

№ 74 (407)

Nojavr 15 lun 1936 god

Роведā sjezd

Nojavr 11 lunā ošsis VI sovet-tezlān okruznāj sjezd. Sjezd vālē āksisē mijān okrugiš med bur ošir kultura, ūeško-xozajstvennēj da var front vāliš staxanovecsez. Sjezd vāliš deĻegattez ovsuzdajtān stalinskāj Konstitucija projekt. Sjezd keras okrugiš kulturūāj da kozajstvennēj stroitām jāliš itoggez. Okrug aslas sjezd vālē loktīs grīš rovēdāezān. Čulalām kāk godā toko okrug pašta stroitīsā da oštīsā 24 māmāda

viļ skolāez. Ne jēea stroitīsā čējad ponda saddez da jašlīez. Mādi god kezā esā unāzūk pondasē stroitčsnp kulturno-prosvētielnāj da mādi uczezdēdnoez. Medv vārtn sjezdliš sutētām zadāczāez, mī dolzonās movilīzujtān vād vāp, esā burāzūka kutčsnp iz verde, Komi kraj medv esā burāzūka da gazānzūka pōndis ovnā.

ВЪДМАМ КУЛТУРНĀЈА

Vād lun vārti kadēs pōzavtē burzūka, vād lun vārti sija lovzišā gazānzūka, vizētā koknītzūka, dolbtzūka. Vād lun vārti šalām pōndā pessēlp perytzūka, okota unāzūk izavān, radjavān, ovnā.

pišā, vizētān jōktām. Nevāzūn kollālisē prizvānikkezās gārd armijā.

— Loē velīkāj ročina dorjīšsezān, — kālis komsoološkāj sovet.

I gordāja prizvānikkez petisā Kēsīs.

Čulālis sovettezlān 8-ēt rajonnāj sjezd. Eta klubān pionerrez da komsoolo gazāna deĻegattesā ovsluživajtīs lunīš lun.

Moločoz gazāčā, lovzišā koknīta. Moločoz vādmā, korē kulturāsē unāzūk. Sālā oz-čī tūrm sija, māj em klubās. Sija korē bur razdevalka, ālektrīčestvo, vīlliard, korē zvukovāj kino, šlīšsezās, bur muzūka.

Moločoz vādmā... I ne veš Stalin jort suis, sto „ovnā lois burzūk, jorttez, ovnā lois gazāzūk“.

Batujev

Bur propagandist—vura i kruzok uzalē

Načālnāj poļitskola, Gussinskāj pervičnēj organizacijāis, Košinskāj rajonīs, pomālis „Socializm pessām“ ucevānik šārti programma. 10 komsooloec da 4 mort česojuznāj moločoz vura usvoitīsā programmasē da rop-

dātčisē velātčsnp mādik rovšennēj programma šārti.

Poļitskolaān velātčikē kvzīšsezle propagandist Udņikov vura ovjāņajtīs, kuzīs vošn vāimānōnpsē poļitskolaān velātčām vālē. BATUJEV.

В. Вересаев.

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

После женитьбы

Говорили, что холера уже и в Москве. Пушкин сильно беспокоился за невесту, за ее здоровье и безопасность; к тому же до него доходили слухи, будто свадьба расстраивается, что Наталья Николаевна выходит замуж за другого. Он рвался в Москву, два раза выезжал из Болдина, надеясь пробраться через карантины, но оба раза пришлось воротиться.

В эту осень, которую Пушкин провел в Болдине, прилив творчества был у него совершенно необыкновенный. За три месяца им написаны „маленькие трагедии“, „Домик в Коломне“, повести Белкина, две последние главы „Онегина“, около тридцати лирических стихотворений. „Детородная осень“, называл ее Пушкин.

Изумительны не только количество и высокое качество написанного в это время Пушкиным, но и та легкость с какой он перекочевал из одного настроения в совершенно другое. Прозрачно-веселые рассказы, как „Барышня-крестьянка“, „Метель“, „Домик в Коломне“, чередовались с глубоко серьезными драмами, как „Скупой рыцарь“, „Моцарт и Сальери“, „Пир во время чумы“. Лирика этой осени полна самых разнообразных, противоположных друг другу настроений.

Только к декабрю месяцу Пушкину, наконец, удалось выбраться из Болдина. 5 декабря он был в Москве.

Свадьба произошла 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения на Большой Никитской (теперь улица Герцена). Пушкин в противоположность последним дням, был весел, радостен, любезен с друзьями, смеялся. Но во время обряда, при обмене колец, кольцо Пушкина упало на пол. Потом у него погасла свеча. Суеверный Пушкин поблѣднел и прошептал:

— Все—плохие предзнаменования.

НА СНИМКЕ: боец рабочей милиции с ребенком, которого он вынес из под огня самолетов мятежников бомбардировавших селение Серро Мульяно. (Из англ. журнала „Сфир“).

предложил ему заняться писанием истории Петра Первого.

Красавица жена Пушкина очень понравилась императрице; император уже раньше, в бытность свою в Москве, встречал на празднествах Наталью Николаевну, когда она была еще девушкой, и находил ее очень милой и интересной. Императрица выразила желание, чтобы Наталья Николаевна бывала при дворе.

Осенью 1831 года Пушкин переселился из Царского Села в Петербург. Он был официально зачислен в государственную коллегию иностранных дел, произведен вскоре в следующий чин и ему было назначено жалование—пять тысяч рублей. Но для теперешних потребностей Пушкина этого было слишком мало.

Жизнь Натальи Николаевны проходила в непрерывных увеселениях, празднествах и балах. Она возвращалась домой часов в четыре—пять утра, вставала поздно; обедали в восемь часов вечера, после обеда Наталья Николаевна переодевалась и опять уезжала. Ее сопровождал муж. Давно уже для Пушкина отошла пора, когда он сам увлекался танцами. Но нельзя же было жене выезжать одной. И все вечера Пушкин проводил на балах; стоял у стены, вяло глядел на танцующих, ел мороженое и зевал. Однажды он со вздохом сказал своей знакомой:

Неволя, неволя, боярский двор!

Стоя наешься, сидя наспишься.

Друзья с растущей горестью наблюдали, в каких ужасных для творчества условиях жил теперь Пушкин. И сам он с грустью писал одному из друзей: „Нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писания. Кружусь в свете, жена моя в большой моде,—все это требует денег, деньги достаются мне через труды,

Продолжение на 2-й стр.

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

а труды требуют уединения. Для новых трудов не было уединения; для напечатания трудов, уже написанных, то и дело вставали препятствия, вытекавшие из высочайшей „милости“, оказанной Пушкину, — права представлять свои произведения на цензуру самому императору.

Пушкин полагал, что это — его право, — оказалось, что это — его обязанность. И Пушкин писал Бенкендорфу: „Осмеливаюсь просить об одной милости: вперед иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре“. Вот уж о какой милости приходилось ходатайствовать Пушкину!

Пушкин усиленно работал в архивах, собирая материалы для порученной ему царем истории Петра Первого. Но от подготовительной работы к истории Петра его отвлекла другая работа. Пушкина заинтересовал Пугачев, вождь казацко-крестьянского восстания в XVIII веке. В то же время явилась мысль написать и роман из времен пугачевщины. Для этого Пушкину нужно было посетить местности Восточной России, где действовал Пугачев. Пушкин получил отпуск на четыре месяца и 17 июля 1833 года выехал из Петербурга. А вслед за ним поплыли к начальникам губерний, которые должны были посетить Пушкин, секретные предписания „учинить надлежащее распоряжение в учреждениях за титулярным советником Пушкиным во время его пребывания секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его“.

Пушкин посетил Казань, Оренбург, Уральск. Расспрашивал старожилков о Пугачеве, осматривал места военных действий. Из Оренбурга он съездил в станицу Берды, бывшую столицу Пугачева.

В Бердах Пушкин отыскал старуху, семидесятипятилетнюю казачку, которая лично знала Пугачева. Он просидел с ней целое утро, расспрашивал ее, слушал ее песни и на прощанье дал ей золотой червонец.

Пушкин уехал. Бердинские обыватели пребывали в великом недоумении: для чего приезжал человек, с таким жаром расспрашивал о разбойнике, за что дал старухе червонец? Дело подозрительное, как бы не нажать беды. Снарядили подводу в Оренбург, представили по начальству старуху с червонцем и доложили:

— Вчера приезжал какой-то чужой господин. Приметы его: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, подбивал под пугачевщину и дарил золотом; должно быть, ан-

тихрист, потому что вместе ногтей на пальцах когти. (Пушкин, как известно, носил очень длинные ногти)...

1 октября 1833 года Пушкин приехал к себе в Болдино и засел писать. Сложилась чуть-чуть подходящая обстановка, и творчество снова забило ключом. „Расписался, и уже написал пропасть“, — довольный писал он жене. За полтора месяца пребывания в Болдине Пушкин написал: „Сказку о рыбаке и рыбке“, „Сказку о мертвой царевне“, „Анжело“, перевел из Мицкевича две баллады, закончил историю Пугачева и написал два самые выдающиеся свои произведения — поэму „Медный всадник“ и повесть „Пиковая дама“.

В середине ноября 1833 года Пушкин воротился в Петербург.

В придворном плену

В Аничковом дворце устраивались интимные царские вечера, куда принято было приглашать только лиц с придворным званием. Желая открыть Наталье Николаевне доступ на эти вечера, Николай под новый 1834 год подписал указ: „Служащего в министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера двора нашего“. Пожалованием Пушкина в камер-юнкеры Николай сразу достиг двух целей — сделал для себя возможными частые встречи с Натальей Николаевной и глубоко унизил Пушкина, которого в душе ненавидел: в камер-юнкеры жаловались обыкновенно очень молодые люди, и тридцатипятилетний, уже седой Пушкин должен был производить в их толпе очень смешное впечатление.

Пушкин, узнав о пожаловании, пришел в бешенство. Вне себя, он хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю. Причину своего пожалования он понимал очень хорошо.

Невесело и смутно было на душе у Пушкина. Он никому не жаловался на свою тяжелую жизнь, но на лице его друзья часто читали мрачное беспокойство. Придет, печально ходит по комнате, опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторяет:

— Грустно. Тоска.

Теперь почти никогда его не видели веселым и беззаботным. Редко-редко просыпался внем прежний шутник и озорник.

Писательское одиночество Пушкина все увеличивалось. Строгая и сдержанная простота его поэзии, сжатая чеканность прозы не удовлетворяли

публику, которая с упоением зачитывалась эффектно-трескучими стихами Бенедиктова, цветистой прозой Марлинского и равнодушно проходила мимо Пушкина. Критика учла это отношение, с еще большей несдержанностью стала нападать на Пушкина. Пушкин писал мало, к написанному относился очень строго и поэтому многого не печатал. Многие запрещала цензура. За последние шесть лет жизни Пушкина читатель из крупных его художественных произведений мог познакомиться только с „Пиковой дамой“ и „Капитанской дочкой“.

В свете его не любили, потому что боялись его острых, убийственных эпиграмм, на которые он не скупился, из-за которых он нажил себе в „высшем свете“ врагов непримиримых.

На масляной неделе 1834 г. Наталья Николаевна от великих танцевальных трудов заболела и, поправившись, уехала до осени со всеми детьми в Калужскую губернию к своему брату! Пушкин остался в Петербурге один наблюдать за печатанием „Истории пугачевского бунта“. Друг он получает встревоженное письмо от Жуковского из Царского Села, что какое-то письмо Пушкина стало известно императору, и он очень сердится. Оказалось, что московская почта распечатала письмо Пушкина к жене и переслала его в Третье отделение. В письме этом Пушкин писал, что не намерен являться на торжественное празднование совершеннолетия наследника престола, и довольно непочтительно отзывался о своем камер-юнкерстве. Жуковскому удалось уладить дело.

Пушкин решил вырваться из клетки, в которую его заперло правительство. 25 июня 1834 года он подал Бенкендорфу прошение об отставке. Прошение это привело царя в жесточайшее негодование. Жуковский исполнился и стал бомбардировать Пушкина из Царского Села письмами, обвиняя его в глупости и бестактности. Под давлением Жуковского Пушкин взял прошение обратно.

Почему отношение правительства Пушкину было таким враждебным и подозрительным? Пушкин по самому существу своему был неприемлем для самодержавия. Что до того, что Пушкин „признавал“ его? Нужно было не признавать, а восторженно любить его и восхвалять, без критики, без сдержанности и без оглядки. Своими одами „Клеветникам России“ и „Бородинская годовщина“ Пушкин ветушил было на этот путь, но тотчас же свернул с него

и больше не возвращался. А на что нужен был Николаю „просто“ гениальный поэт, творящий „просто“ гениальные произведения? Пушкин не умещался в рамках николаевского самодержавия не как враг его, а как крупнейшее культурное явление, переросшее его рамки. Также и в рамках придворно-светской жизни Пушкин не умещался опять-таки не как отрицатель ее, а как глубоко культурный, полный достоинства человек органически неспособный стать царедворцем-холопом.

Николаю удалось поставить его на колени, но и на коленях Пушкин стоял, не склоняя гордо поднятой головы. Император это видел и чувствовал Пушкина „чужим“ и способным на все.

А еще очень много император не знал о Пушкине. Еще в том же 1827 году, когда Пушкин отворачивался от „черни“, — еще в то время в одном неотделанном черновике он в раздумьи набрасывал такие строки:

Блажен в златом кругу вельмож

Пиит, внимаемый царями: Владея смехом и слезами, Приправя горькой правдой ложь, —

Он вкус притупленный щекотит

И к славе спесь бояр охотит,

Он украшет их пиры

И внемлет умные хвалы. Меж тем, за тяжкими дверями,

Теснясь у черного крыльца, Народ, толкаемый

слугами,

Поодаль слушает певца.

Теперь этот толкаемый слугами народ, почтительно слушающий поэта у черного крыльца, встает перед Пушкиным новым, самым желанным слушателем. За полгода до смерти он пишет свой „Памятник“ — изумительный по совершенно новому для Пушкина подходу к задачам поэзии и по оценке собственных своих поэтических заслуг. По форме стихотворение является подражанием одноименному стихотворению Державина. Державин в своем „Памятнике“ перечисляет заслуги, которые, по его мнению, дают ему право на память в потомстве. Заслуги эти певец „богоподобной Фелицы“ Екатерины Второй видел в том,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге

О добродетелях Фелицы возгласить,

В сердечной простоте

беседовать о боге

И истину царям с улыбкой говорить.

Подчеркнуто противоположая себя ему, вот как обосновывал свои права на славу Пушкин: он гордился, что к памятнику его не зарастет народная тропа и что памятник этот непокорной главою вознесся выше всяких царских памятников. И за что ждет

он признания от народа?

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я свободу

И милость к падшим призывал.

Большое недоумение вызвала е т заключительная строфа „Памятника“:

Веленью божию, о муза,

будь послушна: Обиды не страшась, не

требуя венца, Хвалу и клевету приемли

равнодушно

И не оспаривай глумца.

Она делается понятной и вполне уместной, если в стихотворении мы будем видеть не только подведение Пушкиным итогов прежней своей поэтической деятельности, а и решительное заявление о переходе его на совершенно новые поэтические позиции. „Пробуждение добрых чувств“, „восславление свободы“, „призыв милости к падшим“, — вот что всего более начинает теперь ценить Пушкин в своей прошлой деятельности и вот в чем он усматривает „божие веление“

для деятельности будущей. Вступая на этот новый путь, он готов к насмешкам глумца, к обиде и клевете, ему не нужны на этом пути ни хвалы, ни венцы.

Пушкин ищет теперь сближения с Белинским, тайно от своих аристократических друзей посылает ему свой журнал „Современник“, собирается пригласить его сотрудничать в этом журнале. В поэзии Пушкина начинают звучать давно им забытые звуки.

Глубоким гражданским негодованием полно стихотворение, вызывающее озаглавленное „Мирская власть“ („Когда великое свершалось торжество...“). Пушкин начинает писать драму из времен феодального рыцарства с грандиозным замыслом — показать разгром рыцарского дворянства тогдашней демократией — крестьянством и растущим городским мещанством. Написаны были только начальные сцены, но до нас дошел конспект с планом всей драмы, и из него видно, каким революционным п а ф о с о м должна была дышать эта драма.

Материальное положение Пушкина запутывалось все больше. Жизнь в Петербурге с требованиями, которые предъявляли придворная жизнь и светские успехи его жены, была ему совершенно не по средствам. Кредиторы осаждали его квартиру, засыпали письмами с требованиями уплаты. Летом 1835 года Пушкин опять сделал попытку вырваться из Петербурга. Он писал Бенкендорфу: „Я вижу себя вынужденным положить конец тратам, которые ведут

Продолжение на 3-й стр.

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

только к долгам и которые готовят мне будущее, полное беспокойства и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года пребывания в деревне мне доставят снова возможность возвратиться в Петербург и взяться за занятия, которыми я обязан доброту его величества“.

Царь снова отказал и только разрешил выдать Пушкину взаймы тридцать тысяч рублей, а в погашение их удерживать его жалованье. Деньги пошли на уплату самых насущных долгов, жалованье Пушкин перестал получать, и единственным источником дохода остался для него литературный труд. Но среди вечных забот и неприятностей, в которых теперь жил Пушкин, работать он не мог. „Здесь в Петербурге, — писал он отцу, — я ничего не делаю, как только раздражаюсь до желчи“.

Перестало писаться и в деревне, куда обычно Пушкин уезжал осенью для работы. Поехал он в 1835 году на осень в Михайловское, прожил месяц и писал жене: „Такой бесплодный осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень-колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен“.

**Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб,
Замыслил я побег.
В обитель дальную трудов
и чистых нег.**

Но Наталья Николаевна этому „побегу“ совершенно не сочувствовала. Она терпеть не могла деревни, за всю жизнь с Пушкиным ни разу даже не побывала ни в Михайловском, ни в Болдине. На лето они снимали дорогую дачу на каком-нибудь из модных петербургских островов, где можно было жить той же шумной и веселой светской жизнью, как зимой. Успехи Натальи Николаевны в свете непрерывно шли в гору. Теперь уже не Пушкин освещал ее своей славой, а она, первейшая, всех собой восхищавшая красавица, — его, скромного титулярного советника и „сочинителя“.

В 1834 году в Петербург приехал молодой француз, барон Жорж Дантес, приверженец „законной“ Бурбонской династии. После июльской революции 1830 года, свергнутой Бурбонов, он не пожелал остаться служить во Франции. В Петербурге Дантес благодаря своим связям был принят прямо офицером в первый из всех гвардейских кавалерийских полков — кавалерградский. В высшем свете он сразу занял очень заметное положение. Высокого роста, красавец, самоуверенный, веселый, остроумный, он везде был желанным гостем.

Пушкин познакомился с

Дантесом вскоре после приезда его в Петербург. Французская живость, веселость и остроумие Дантеса понравились Пушкину. Дантес стал бывать у него в доме. Был он радушно принят и в семействах, близких к Пушкину, — у Карамзиных, Вяземских. Встречались часто. Дантес влюбился в жену Пушкина. Ей он тоже очень понравился. Дантес неотступно следовал за Натальей Николаевной, являясь всюду, где была она, на балах танцевал только с ней. Летом 1837 года, после одного или двух общественных балов на модных Минеральных водах (на Елагином острове), весь свет заговорил об ухаживаниях Дантеса за женой Пушкина. У Пушкина было объяснение с Натальей Николаевной, он отказал Дантесу от дома. Но влюбленные продолжали видеться у общих знакомых и на великосветских балах.

Над головою Пушкина, как влипчивая осевшая муха, все назойливее начинало летать ужасное слово „рогоносец“. На одном бале молодой негодяй, косолапый князь П. В. Долгоруков, подмигивая приятелям на Дантеса, поднимал сзади головы Пушкина пальцы, раставленные, как рога.

Дуэль

Драма назревала быстро.

Пушкин доверял жене и не сомневался в ее верности. Но его приводила в бешенство та роль „рогоносца“, которую ему злобно стали приписывать в свете. А говорили там не об одном Дантесе. Пушкин рассказывал другу своему Нащокину, что Николай, как офицеришка, ухаживает за его женой, нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру на балах спрашивает, отчего у нее на оканх всегда шторы опущены.

Утром 4 ноября 1836 года Пушкин получил по городской почте написанный измененным почерком безымянный пасквиль такого содержания:

„Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена“.

Такие же письма были разосланы и многим знакомым Пушкина. Д. Л. Нарышкин был мужем красавицы Марии Антоновны, находившейся в долготелней связи с императором Александром I. Жалую Пушкина в заместители Нарышкина, пасквиль

совершенно ясно намекал, что считает положение Пушкина по отношению к Николаю таким же, как положение Нарышкина по отношению к Александру. Как теперь выяснено, пасквиль был написан П. В. Долгоруковым, но за его спиной стояла целая шайка великосветский врагов Пушкина, в том числе, повидимому, и Уваров, министр народного просвещения, высмеянный Пушкиным в сатире „На выздоровление Лукулла“. Но Пушкин почему-то заподозрил в пасквиле голландского посланника Геккерна. Геккерн был развратник и злой сплетник. Он страстно любил Дантеса и полгода назад усыновил его, так что Дантес звался теперь бароном Геккерном. Вызвать на дуэль посланника Пушкин считал неудобным и послал вызов Дантесу.

Старый Геккерн очень испугался последствий, которые могла иметь для карьеры его и его приемного сына престоящая дуэль. Вместе с Дантесом они придумали такой выход. В Дантеса давно уже была влюблена старшая сестра Натальи Николаевны Екатерина Гончарова. Теперь, чтобы выпутаться из неприятного положения, в которое их поставил вызов Пушкина, Геккерны заявили, что Дантес ухаживал не за Натальей Николаевной а за ее сестрой и готов на ней жениться. Пушкин взял свой вызов обратно. 10 января 1837 года произошла свадьба Дантеса с Гончаровой. Таким образом Дантес сделался родственником Пушкина. Он явился к нему со свадебным визитом, но Пушкин его не принял и велел передать, что не желает иметь с ним никаких отношений.

Однако они постоянно встречались на великосветских балах и у общих знакомых. Дантес продолжал ухаживать за Натальей Николаевной с еще большей настойчивостью, доходившей до наглости. Бешенство Пушкина его забавляло, и он в его присутствии ухаживал за Натальей Николаевной с особенным усердием.

Пушкин дошел почти до сумасшествия.

26 января 1836 года он отправил старшему Геккерну письмо, полное самых ужасных оскорблений.

После этого письма дуэль сделалась неизбежной. Этого-то и добивался Пушкин: другого выхода из запутавшегося положения он не видел. По соглашению Геккерна с Дантесом вызов Пушкину послал Дантес. Получив вызов, Пушкин сразу успокоился.

Наутро Пушкин встал рано. Был до-вчерашнему

весел и облегченно спокоен. Напился чаю и сел писать. Пришло письмо от д'Аршиака, секунданта Дантеса. Он просил Пушкина прислать своего секунданта для переговоров. Пушкин отправился искать секунданта. На Пантелеймоновской улице он случайно встретил своего лицейского товарища подполковника инженерных войск К. К. Данзаса и попросил его быть секундantom. Данзас с готовностью согласился. Он поехал к Аршиаку, они вдвоем выработали условия дуэли, Данзас привез Пушкину письменные условия дуэли. Пушкин не стал их читать, согласился на все и послал Данзаса купить пистолеты. А сам весело сел заниматься делами своего журнала „Современник“. Открыл книжку Ишимовой „История России в рассказах для детей“ и зачитался ею.

К условленному часу он сошелся с Данзасом в кондитерской Вольфа на углу Невского проспекта. Они сели в сани и поехали к назначенному месту встречи — к Комендантской даче на Черной речке. Приехали одновременно с противниками. Пошли в рощу, выбрали полянку. Она была покрыта сугробами снега. Оба секунданта и Дантес стали притаптывать в снегу широкую тропинку, по которой должны были сходитьсь противники. Пушкин, закутавшись в медвежью шубу, сидел на сугробе и нетерпеливо ждал. Секунданты отмерили на тропинке шаги, в качестве барьеров положили на снег свои шубы и начали заряжать пистолеты. Пушкин нетерпеливо спросил:

— Ну, что же? Кончили?

Все было готово. Противников расставили по местам, вручили им пистолеты. Данзас подал сигнал, махнув шляпой.

Пушкин быстро подошел к барьеру, остановился и стал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя одного шага до барьера, выстрелил. Пушкин упал на шинель, служившую барьером. Он лежал неподвижно, лицом вниз. Секунданты и Дантес кинулись к нему. Пушкин очнулся, поднял голову и сказал:

— Подождите. Я чувствую в себе достаточно силы, чтобы сделать выстрел.

Дантес возвратился на свое место, стал боком и прикрыл грудь правой рукой. Пушкин приподнялся на коленях и, полулежа, стал целиться. Целился долго. Раздался выстрел. Дантес упал. Пушкин бросил пистолет и закричал: — Браво!

И опять без чувств упал на снег. Однако Дантеса сбила с ног только сильная контузия: пуля пробила мясистые части руки и попала в пуговицу брюк; эта пуговица спасла его.

Придя в себя, Пушкин спросил д'Аршиака:

— Убил я его?

— Нет вы его ранили,

— Странно, — сказал Пушкин, — я думал, мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем.

Общими усилиями секунданты усадили Пушкина в сани. У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякий случай Геккерном. Дантес и д'Аршиак предложили Данзасу воспользоваться каретой для Пушкина. Данзас принял предложение. Не сказав Пушкину, чья карета, он усадил в нее Пушкина и поехал с ним в город.

Наталья Николаевна недавно воротилась с прогулки и вместе с сестрой ждала Пушкина к обеду. Вдруг вошел без доклада Данзас и, стараясь быть спокойным, сообщил, что Пушкин сейчас стрелялся с Дантесом и ранен, но очень легко. Наталья Николаевна бросилась в переднюю, куда уже вносили на руках Пушкина. Она упала в обморок. Пушкина уложили на диван в его кабинете. Очнувшаяся жена хотела войти, но Пушкин громким голосом закричал: Не входи! Он не хотел, чтобы она увидела его рану, и позвал ее только тогда, когда уже был раздет и уложен.

Один за другим съезжались доктора, съезжались друзья Пушкина — Жуковский, Плетнев, Вяземский, А. Тургенев.

На смертном одре

Пушкин страдал сильно, но часто спрашивал про жену:

— Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском.

И ей самой он сказал:

— Не упекрай себя за мою смерть. Это — дело, которое касалось меня одного.

Лейб-хирурга Арендта он просил передать императору просьбу не преследовать Данзаса за участие в дуэли. Данзас от него не отходил. Он сказал Пушкину, что хочет вызвать Дантеса на дуэль, чтобы отомстить за него. Пушкин поморщился.

— Нет, нет! Мир, мир.

Злоба и бешенство, которыми он непрерывно кипел последние месяцы, теперь исчезли: он стал спокоен, кроток и умиротворен. У некоторых друзей было впечатление, что Пушкин искал смерти и был рад ей, как разрешению своего безвыходного положения.

Пушкин был ранен в живот. Пуля раздробила ему крестец. В брюшной полости осколки кости давили на кишечник. В таких случаях первое требование от лечения — дать

Продолжение на 4-й стр.

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

кишечнику полный покой, останавить движение его опиумом. Между тем, по совершенно непонятным причинам, лейб-хирург Арендти назначил больному клизму. Последствия получились ужасные. Глаза Пушкина стали дикими и, казалось, гоотвы были выскочить из орбит, лицо покрылось холодным потом, руки похолодели. Несмотря на все усилия воли, он кричал так, что всех привел в ужас. Испуганный камердинер сообщил Данзасу, что Пушкин велел ему подать ящик с письменного стола и уйти, а в ящике этом пистолеты. Данзас поспешил к Пушкину и отобрал у него пистолет, который тот успел спрятать под одеяло. Пушкин сознался, что хотел застрелиться, потому что страдания стали невыносимы. К утру боли несколько уменьшились, и Пушкин овладел собою. И уж до самой смерти ни одним стоном, ни одним криком не выдал своих страданий.

У крыльца пушкинской квартиры была давка. Знакомые и незнакомые толпились у входа, непрерывно сыпались вопросы: „Что Пушкин? Легче ли ему? Есть ли надежда?“

Густые толпы загораживали всю улицу перед квартирой Пушкина, к крыльцу невозможно было протиснуться. Но великодушных людей здесь не было.

Пушкин слабел с каждым часом. Смерть приближалась, и он ясно сознавал это. Друзья говорили ему:

—Все мы надеемся, не отчаивайся и ты.

Пушкин отвечал: —Нет, мне здесь не житье. Я умру, да видно, уж так и надо.

Около полудня 29 января Пушкин спросил зеркало, посмотрелся в него и махнул рукой. Пульс падал и вскоре совершенно исчез. Руки начали стывать.

Дыхание становилось все медленнее. Последний вздох. Жизнь отлетела. Присутствующие во всю жизнь не могли забыть величавого, блаженного спокойствия, которое разлилось по лицу умершего Пушкина.

Похороны

На набережной Мойки, перед домом, где умер Пушкин, творилось что-то для того времени совершенно необычайное. Как волны прилива, росли и росли толпы народа, желавшие поклониться праху Пушкина. По показанию очевидцев, у гроба Пушкина перемывало от тридцати до пятидесяти тысяч человек. Со всех концов города тянулись к

Мойке экипажи. Извозчиков нанимали, просто говоря: „К Пушкину“.

У гроба Пушкина отсутствовало высшее дворянство; к гробу теснились студенты, люди свободных профессий, чиновники низшего разряда, „национальные коммерсанты“, „просто народье“, тот, только еще возникавший слой радикальной мелкой буржуазии, который вскоре получил название „разночинцы“. На похоронах Пушкина разночинцы впервые выступили на общественную арену и дали себя почувствовать, как общественную силу.

Последние годы Пушкин жил в конце ужасающего одиночества — общественного, морального, культурного, литературного. „Живи один!“ — горько говорил он о себе. Он и не подозревал, сколько тысяч у него было горячих, искренних друзей за пределами того кольца, в котором он томился и погибал. При жизни Пушкина неведомые друзья эти могли многого ему не прощать, — смерть дала им почувствовать великую, незаменимую ценность и нужность Пушкина. И они громко решительно, не словами, а всеми своими действиями сказали: Пушкин наш!

Появилось негодующее стихотворение тогда почти еще неизвестного поэта Лермонтова — огненная поэтическая прокламация. Стихи с необычайной быстротой распространились в списках, и все повторяли за Лермонтовым:

Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, гения и славы палачи!

Таитесь вы под сению закона, Пред вами суд и правда — все молчи!..

Но есть, есть божий суд, наперстники разврата! Есть грозный судия: он ждет;

Он не доступен звону злата И мысли и дела он знает наперед,

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью: Оно вам не поможет вновь,

И вы не смаете всей вашей черной кровью Поэта праведную кровь!

Бурный взрыв общественного негодования изумил и испугал Николая. Вначале он равнодушно отнесся к смерти Пушкина и вполне оправдывал поведение Дантеса. Напор снизу заставил императора понять, что дело шло не о ничтожном „сочинителе“, нечиновном камер-юнкере его двора, а о человеке, высоко ценимом самыми широкими кругами страны.

Николаю волей-неволей пришлось перестроить свое отношение к случившемуся, пришлось притворить-

ся, что и им самим смерть Пушкина расценивается, как великая национальная потеря. Дантес был разжалован в солдаты и, как иностранный выслан из России. Геккерн отозван нидерландским правительством с поста посланника.

С другой стороны, Николай поспешил преградить все пути к проявлению бурно закипавшего общественного негодования. Газетам строжайше было приказано при сообщении о смерти Пушкина „соблюдать надлежащую умеренность и тон приличия“. Одна газета получила выговор за заметку, в которой писалось, что „солнце нашей поэзии закатилось“ и что „Пушкин скончался в середине великого поприща“. В соседних с квартирой Пушкина домах были расставлены военные пикеты, у подъезда и в самой квартире снова появились шпионы. В ночь перед вынесом тела, с 30 на 31 января, когда толпа разошлась и в квартире сидело только несколько ближайших друзей Пушкина, явились жандармы во главе с генералом Дубельтом, начальником штаба корпуса жандармов. Они перенесли гроб не в Исаакиевский собор, где назавтра было назначено отпевание, а в Конюшенную церковь. В день отпевания подступы к церкви были оцеплены полицией и пропущены только приглашенные, по специальным билетам. Отпели, поставили гроб в церковный подвал.

В полночь с 2 на 3 февраля к церкви подехали дроги и две кибитки. В одной кибитке сидел жандармский офицер, в другой — друг Пушкина А. И. Тургенев, которому было поручено проводить тело в Псковскую губернию до места погребения в Святогорском монастыре, недалеко от пушкинской деревни Михайловское. Поставили гроб на дроги и помчались во весь опор из города. Псковскому губернатору заранее было послано высочайшее приказание при проезде гроба „воспретить всякое особенное изъятие, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию“.

Своеобразная похоронная процессия мчалась по снежным равнинам на курьерских днях и ночью, как будто преступники спешили тайно от всех, привести к концу свое черное дело.

На одной почтовой станции, проезжая, жена профессора увидела суетившихся жандармов, торопивших ямщиков скорее перебраться телегу, где в соломе стоял завернутый в рогожи гроб. Она спросила одного из глядевших, что это такое.

— А бог его знает, что. Вишь, какой-то Пушкин убит, — мчат его на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку.

Так хоронила официальная николаевская Россия величайшего русского поэта.

Прошло сто лет со смерти Пушкина. Пало самодержавие, затравившее и убившее его, пал весь мерзкий строй, где одни люди работали и страдали, а другие ничего не делали и блаженствовали. Когда историческая сцена заполнилась шумною победительницей — „чернью“, „истинные“ ценители Пушкина с огорчением заявили, что высокому искусству пришел конец и что им, носителям „истинной культуры“, остается удалиться в тайные святилища и там отправлять культ Пушкина, которого вычеркнет современность.

Что же оказалось? Когда-то Пушкин, томясь великим одиночеством, писал:

...Ты сам свой высший суд, Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

Ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен? Так пускай толпа его бранит

И плюет на алтарь, где твой огонь горит.

И в детской резвости колеблет твой треножник.

И вот современный поэт (Вл. Василенко), вспоминая эти горькие строки Пушкина, так обращается к нему:

Сколько слав поникло сжатым стеблем.

Сколько тронов взято в топоры, —

Только твой треножник не колеблем „Чернью“, потрясающей

миры?

Треножник не колеблется. Он стоит тверже, чем когда-либо. Всеобщая любовь к Пушкину с каждым годом растет. Освобожденные народы Советской страны видят в нем величайшего русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, обогатившего человечество бессмертными произведениями, которые до сих пор будят революционную мысль, зовут к борьбе за великое счастье человечества. Пушкин всем стал нужен и незаменимо дорог. Нужен и дорог за свою гениальную поэтическую мощь, за неукротимую мятежность, за неослабевающее искание, за радость и красоту, которую он напивает жизнью, за глубокую человечность и культурность, за несравнимую музыку его слова, за благородную простоту и ясность речи.

Народная тропка, о которой мечтал Пушкин, превратилась в широкую, плотно утопанную дорогу. Книжки Пушкина выходят в мил-

лионах экземпляров и ментально всасываются читательскими массами, как ведро воды сухими песками пустыни. Его знают все. Он переведен на языки самых когда-то отсталых народностей Советского Союза. Сбылось предсказание Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык: И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгуз, и друг степей калмык.

(Начало см. №№ 71, 72.)

Артист В. НЕШАТАЕВ

НОВЫЕ ЧУВСТВА

Мой отец, Иван Нешатаев, — крестьянин села Архангельского, Юсьвинского района, — вряд ли бы поверил, что его сын будет когда-нибудь артистом. Он ожидал для меня той же судьбы, какую имел до революции трудящиеся крестьяне — коми-пермяки: работать на помещика, жить проголодь.

И вот я гражданин великого Союза ССР и артист первого в истории коми-народного театра. Мне поручают первые роли и говорят, что я исполняю их хорошо.

В пьесе Афиногенова „Далекое“ я играю роль командира Красной армии Малько. Другая любимая моя роль — Мотыльков в пьесе Гусева „Слава“.

И Мотыльков и Малько — люди стальной воли, у которых преданность родине стоит выше всего.

Много дней я работал над этими ролями. Перечитал историю гражданской войны, ознакомился с воспоминаниями участников, разговаривал с командирами и красноармейцами. И я понял чувства передовых людей моей родины.

Я знаю о бесстрашии нашего красноармейца — коми-пермяка Кашина, который в годы гражданской войны, не раз ходил в бой, как Мотыльков. Наш колхозный пастух Мальцев один в глухом лесу вступил в неравный бой с бандитами, пытавшимися похитить колхозное стадо.

Героизм — новое чувство человека сталинской эпохи. На каждом шагу, в самых разнообразных проявлениях я вижу в народе чувство героизма, беззаветного служения родине.

На сцене я пою гимн мужеству великого советского народа.

(Из газеты „Колхозный путь“).

Ответственный редакт. Н. Котов.